

SECTION 29. Literature. Folklore. Translation Studies.

Sharidiyar Assfandiyarovich Valikhanov

Candidate of Philological Sciences, Professor

Arkalyk State Pedagogical Institute named after I. Altynsarin, Kazakhstan

valihanov.1964@mail.ru**PSYCHOLOGISM IN SAIN MURATBEKOV'S NOVEL "WILD APPLE-TREE"**

Abstract: *The article gives full characteristics to the main heroes described in Sain Muratbekov's novel "Wild Apple-tree" and deals with the mastership of the author in depicting heroes psychology.*

Key words: *Psychologism, Sain Muratbekov, writer's skill, artistic method, image, character.*

Citation: Valikhanov SA (2014) PSYCHOLOGISM IN SAIN MURATBEKOV'S NOVEL "WILD APPLE-TREE". ISJ Theoretical & Applied Science 9 (17): 166-169. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.09.17.28>

ПСИХОЛОГИЗМ В ПОВЕСТИ САИНА МУРАТБЕКОВА «ДИКАЯ ЯБЛОНЯ»

Аннотация: *В статье речь идет о мастерстве освоения и раскрытия психологии поведения, проникновения во внутренний духовный мир героев с подтверждением конкретными примерами в повести С. Муратбекова «Дикая яблоня».*

Ключевые слова: *Психологизм, Саин Муратбеков, писательское мастерство, художественный метод, образ, характер.*

Если известный русский ученый Г.Н.Поспелов считает, что важнейший способ литературно - художественного освоения жизни человека – психологизм, этим термином обозначается тщательно индивидуализированное воспроизведение переживаний персонажей в их взаимосвязи и динамике [1, с.16], то известный литературовед С.Бочаров полагает, что психологический анализ в литературе представляет собой «специфический способ изображения человека» [2, с.90]. Ученый В. Литвинов в своей монографии «Характер – это судьба» называет мастерством владение психологическим анализом, справедливо утверждает, что в мастерстве психологического анализа одно из проявлений «чудес искусства»: «... Ничто другое не воплощает в себе так выразительно его генеральную человековедческую идею, как психологический анализ, как обращение художника к чувствам, внутреннему миру личности» [3, с.341].

По мнению исследователя литературы А.Иезуитова, психологизм является важной проблемой формы и содержания: в процессе изображения богатого внутреннего мира человека он не может обойти стороной форму и содержание. В данном случае выдающуюся роль сыграет личный опыт писателя и навыки владения передачей психологии человека [4, с.47].

Высказанные мнения свидетельствуют о том, какую решающую роль играет психологизм как художественное средство в литературном произведении. Не каждый писатель может овладеть им.

По мысли литературоведа З.Кабдолова, данное средство является очень сложным. Его могут освоить лишь великие таланты. Истинного художника слова может распознать лишь данный метод [5, с.17].

Аналогичного мнения придерживался и Ч.Айтматов: «Но в части исследования сферы человеческого духа, - пишет Ч.Айтматов, - наши писатели должны очень много

сделать, чтобы достичь высот, скажем, титанов критического реализма, чтобы сравняться с ними по силе и влиянию» [6, с.248].

По мнению Г.Н.Поспелова, некоторые первоначальные виды психологизма, отличающегося от современного, встречаются в античных произведениях [1, с.162].

Опираясь на взгляды ученых исследователей, профессор Б.Майтанов считает, что первые образцы психологизма нашли отражение в произведениях писателей Европы в 15 – 18 вв. [7, с.76].

По мнению литературоведов, первые образцы психологической прозы в казахской литературе были созданы Б.Майлиным и М.Ауезовым. К произведениям, построенным на психологизме, можно отнести рассказы Б.Майлина «Кульпаш» (1922), «Бабушка», «Жертва голода» (1927) [8, с.30].

Письмо Чапая» Б. Майлина - психологический рассказ. В нем изображается постепенное освобождение от рабского сознания, освобождение от рабства, отмечает известный ученый, литературный критик Т.Нуртазин [9, с.50]. Т.Нуртазин назвал очерк М.Ауезова «Перемены Хасена» психологическим очерком. Сюда можно отнести и первые рассказы писателя «Сиротская доля», «Сирота».

В настоящее время казахские писатели достойно продолжают развивать в своих произведениях традиции художественного психологизма.

Одно из требований времени соответственно развитию современной литературы по диалектике души человеческой, проникновение в духовный мир героев, умение производить психологический анализ и раскрывать тайны внутреннего мира.

Для известного казахского писателя С.Муратбекова как художника, какую бы тему он ни затрагивал, на первом месте всегда стоит человек. В любом его произведении объектом рассмотрения являются радости бытия, мечты, мысли, печали и страдания, происходящие во внутреннем мире человека.

«Склоны гор в наших местах сплошь заросли дикими яблонями. Их плоды кислы и невзрачны, и разве что крайне неосведомленный горожанин вдруг позарится да надкусит дичок, а затем будет долго плевать да проклинать злые шутки природы. Но в годы войны мы, голодная ребятня, целыми днями бродили по этим лесам, подбирали дички, что казалась на вид получше. Бывало, вопьешься в яблоко зубами и оно, белое, твердое, хрустит точно лед, холодит язык и нёбо. Откусишь от него раз – другой, к рот начинает ныть от оскомины, а зубы нельзя свести, до того становится больно. И все же, переведа дух, мы снова принимались за дички, стараясь обмануть пустые, подтянутые от голода желудки» [10, с.7]. Таково начало повести «Дикая яблоня», повествующей о жизни аула во время Великой Отечественной войны. С одной стороны, повесть излагается с точки зрения Каната. Тяготы времени показаны его глазами, содержание произведения определяют разнообразные судьбы и события, отозвавшиеся в сердце героя. Это цельная и убедительная картина жизни. С грустью читаем мы выше приведенные отрывки и осознаем последствия войны, когда подростки голодали и холодали.

Внешне «Дикая яблоня» воспринимается как повесть – биография. Но в реалистическом и глубоко философском образе Каната выразился сам автор. Происходит понимание взаимосвязи лирических смятений героев, немногих радостей в их детстве с той печалью, которая сквозит в воспоминаниях автора. Литературовед Б.Майтанов пишет: «Несмотря на непосредственные отношение автора к произведению, на исполнение роли лирического героя, от писателя требуется объективный взгляд на изображаемое, раскрыть характеры героев, пропустить их психологические переживания через свое сердце, что порождает и волнения гражданина» [7, с.97]. Еще одно высказывание этого ученого: «В большинстве произведений настоящего писателя Саина Муратбекова в лирическом герое можно обнаружить биографа» [11, с.169].

Случай во главе с драчуном Ажибеком, одним из аульных детей, обидевших старика Шымырбая, разгромив его бахчу, передается следующим образом в воспоминаниях героя:

«Когда я вспоминаю тот случай, я до сих пор не могу найти себе места. Почему мы были такими? Почему мы навредили бедным старику и старухе? В чем их вина? Почему? Почему? Возможно, в ране, нанесенной им нами, детьми, виновата война, наверное, мы были злыми, как горьки были плоды дикой яблони, росшей без ухода. Кто знает? Лишь одно является истиной Если ты глуп или труслив, быть злодеем легко, нужно только начать» [10, с.60].

Этот случай передан не непосредственно автором, а глазами Каната, что и сохраняет художественную ценность события. Увлекающийся Канат склонен к добру, воспоминание об этом досадном случае передано без изменений манеры героя говорить, размышлять. Это создает убедительную картину сущности духовной правды, внутренних волнений героя. Авторская мысль непосредственно передается через «знаки» внутреннего мира героя. Писатель выступает на стороне Каната, оправдывает его ошибки и проступки, основной причиной которых он считает тяготы войны. И в это веришь от всего сердца. Переживая невзгоды войны, подростки не утрачивают эмоциональности, заботливости, что можно заметить в деталях в последующем контексте. Отправившись за сеном полуголодными, дети отпускают на волю кекликов, попавших в силки Колбая.

«Ну как убьешь кеклика? Такого теплого, такого красивого? – сказал Петька убежденно. – А он еще хотел, чтобы мы их съели. Бррр! А как было здорово, когда мы держали их в руках! Верно?» На обратном пути Колбай предложил мальчикам: «Ребята, цепляйте салазки за мой воз. Сами устраивайтесь рядом со мной» [10, с.347-348]. Пожалев тощих быков, сами сильно устав, они тем не менее довели до аула телегу с сеном. Эти дети, с колыбели узнав горечь жизни, с материнским молоком впитали светлые чистые чувства. Возможно, человек, испытавший так много трудностей, становится чутким, и это присуще человеческой психологии. Вы согласитесь с писателем, показавшего силу, мощь человеческого духа.

В повести есть еще одна героиня – сестра Каната Назира, являющаяся важной частью целостной картины произведения. В ее облике черты восточной девушки: нежность, скромность, учтивость. И на примере образа Назиры показаны многочисленные трудности, выпавшие на долю девушек во время войны.

Вспыхнувшая между нею и Тохтаром любовь показана как чистое, искреннее, благородное чувство. Более внешних черт важны особенности характера и психологии Назиры, которые передают волнение и переживания девушки. Какие мучения овладевают ее душой и телом после того, как она узнала о получении похоронки на Тохтаре: «Взрослые слушали Кайрата, а глаз не сводили с моей сестры Назиры. Она же сидела с опущенной головой, словно окаменев, сжав мою руку так цепко, так больно, что я готов был закричать. Женщины вокруг нас закричали, жалея Тохтара и его мать, и отца, вытирали обильные слезы. А глаза Назиры оставались сухи, неподвижны. Когда закончился отдых и люди поднялись, чтобы продолжить работу, сестра встала вместе со всеми и, по-прежнему не отпуская мое руки, повела меня к нашей волокуше. И до самого вечера, до наступления темноты не пронесла ни слова, молча грузила сено на волокушу и потом бросала на стог Колбаю» [10, с.62-63].

Этот эпизод автор подробно излагает от имени Каната; в нем передана с помощью тонких и конкретных штрихов внутренняя борьба героини.

Академик З.Кабдолов писал: «Чтобы изобразить некие человеческие радости и печали, образы и поступки, необходимо в литературе конкретизировать внешний облик, чтобы раскрыть внутренний мир героя» [5, с.116].

В приведенном отрывке мы видим девушку, лишившуюся своей первой любви, которая напоминает молодой росток тала. Ее сердце обливается кровью, печальна ее душа, но внешне она ничем не проявляет горя, сдержанна и молчалива, неприлично девушке, не связанной узами брака с любимым парнем, плакать и горевать Психологически мотивирована ее сдержанность, несмотря на горе, как черная туча, обрушившееся на нее.

Только когда наступил вечер и заснул аул, она дала волю своим слезам. Вдвоем с Канатом они уходят в степь, в голос плачут оба, не скрывая своих страданий. И этот эпизод подтверждает мысль литературоведа Кабдолова. Писатель исследует жизнь со всех сторон, подходя к ней диалектически. В реалистическом русле он раскрывает почтительность, обходительность и другие свойства национального характера. Не поддаваясь унынию от насмешек судьбы, не сгибаясь под тяжестью испытаний, они становятся настоящими гражданами, с достоинством ведут себя в тяжелых ситуациях.

References:

1. Pospelov GN (1976) Vvedenie v literaturovedenie. Moscow, Vysshaya shkola, pp. 422.
2. Bocharov SG (1963) Tolstoy i noye ponimanie cheloveka. «Dialektika dushi», Literatura i novyy chelovek. Moscow, AN SSSR, pp.430.
3. Litvinov V (1976) Karakter - ieto sud'ba. Zametki literaturnogo kritika. Moscow, Sovetskiy pisatel', pp.344.
4. Iezuitov A (1970) Problema psihologizma v iestetike i literature. Problemy psihologizma v sovetskoy literature. L.: Nauka, pp. 395.
5. Kabdолоv Z (1983) Izbrannye sochineniya v dvuh tomah (na kazahskom yazyke). Almaty: Zhazushy, pp. 456.
6. (1977) Novyy mir. No.12.
7. Maytanov B (1982) Obraz sovremennika v kazahskoy proze (na kazahskom yazyke). Almaty: Gylym, pp.146.
8. Nauryzbaev B (1979) Tradicii B.Maylina v kazahskoy proze (na kazahskom yazyke). Almaty: Gylym, pp.184.
9. Nyrtazin T (1966) Tvorchestvo B.Maylina (na kazahskom yazyke). Almaty: Zhazushy, pp. 340.
10. Muratbekov S (2010) Dikaya yablonya (na kazahskom yazyke). Almaty: An Arys, pp.304.
11. Maytanov B (1987) Duhovnyy mir geroya (na kazahskom yazyke). Almaty: Zhazushy, pp.232.